

Правомерные критерии законодательного определения и судебного назначения разных видов и размеров уголовных наказаний

Б.А. Осипян,

кандидат юридических наук, доцент

Смысл, цель и содержание любого законодательно предусматриваемого и судебно назначаемого вида, режима и размера уголовного наказания состоят в том, чтобы снять и очистить грех совершенного преступления посредством приведения виновного и осужденного преступника к чистосердечному и ответственному признанию своей личной вины в совершении греха преступления (*confessio peccati*), к деятельному раскаянию посредством возмещения потерпевшим лицам нанесенного вреда, а также по возможности к пожизненному душевному очищению, преображению, изменению и покаянию в качестве обновленного человека¹.

Из этого единого и глубокого смысла проистекает то, что мудрый законодатель и судья в процессе определения и установления конкретных видов, режимов и размеров уголовных наказаний должны руководствоваться главными критериями противоправности, целесообразности и соразмерности каждого вида уголовного наказания в соответствии с видом и составом совершенного преступления, а также обязательно учитывать действие ряда объективных и субъективных обстоятельств и условий исполнения данного вида, режима и размера уголовного наказания и иных мер необходимого и благотворного правового воздействия на осужденного преступника.

В разные периоды духовно-нравственной жизни и истории человечества и в разных государствах в зависимости от состояния религиозного духа, общей культуры и форм политического режима существовали разные теоретические и идеологические установки на систему социальных и правовых ценностей и принципов и, стало быть, классификации преступлений по их характеру, степени противоправности, общественной опасности и тяжести последствий. Виды и размеры уголовных наказаний в их соотношении с видами законодательно предусмотренных преступлений существенно зависели также от общего состояния и уровня устойчивости конкретного государственного образования, общества и традиционно сложившегося правопорядка в нем. С незапамятных времен было подмечено, что чем ниже уровень социальной стабильности и безопасности, тем, как правило, более суровы бывают наказания за совершение подобных преступлений, и наоборот.

¹ См.: Осипян Б.А. Основание и система правовой ответственности и наказания: различие понятий «imputatio», «indictare», «sanctio», «roena» // Современное право. 2007. № 5. С. 77–85; Юридическое определение понятия уголовного наказания // Юридический вестник ДГУ. 2017. № 1. С. 113–123.

Касательно уровня политической зрелости и состоятельности французский философ Ш. Монтескьё верно подметил следующее: «Чем деспотичнее государство, тем более суровы наказания, чем большими свободами пользуются граждане, тем умереннее наказания»². В не совсем состоявшихся и шатких государствах для поддержания общественной безопасности и правопорядка по известным причинам требуется применение, как правило, более строгих мер и наказаний к всевозможным правонарушителям и преступникам.

Правомерными критерии определения тяжести преступления и наказания по ветхозаветному закону были таковы: Как видим, степень тяжести надлежащего наказания зависела не только от умысла, цели, рецидива (частоты и последствий совершения преступления), общественной опасности и вредных последствий совершенного преступления, но также и от предмета и объекта преступления, от возможности их защиты от преступных посягательств. Например, человека, собирающего хворост в субботу или проявившего непокорность своему отцу предавали самым суровым наказаниям и даже смерти посредством побития камнями не столько за незаконно присвоенный хворост или позорное пьянство и лень, сколько за дерзкую богопротивность и противоправность деяния, т.е. за непослушание и отступничество от веры в сотворение Богом мира в день субботний и непочтение к своим родителям, что осуждалось неизменными и императивными ветхозаветными заповедями и правовыми обычаями. Следовательно, по ветхозаветному закону, вероотступничество как преступление считалось более тяжким преступлением, нежели кража имущества у ближнего. Более того, если

краденые овцы и волы не были заколоты вором, то с последнего взималась только двойная стоимость краденого. Придавая исключительное значение содержанию умысла преступника, мудрый вавилонский царь Хаммурапи в § 126 своих законов устанавливал следующее: «Если человек, у которого ничего не пропало, скажет: у меня пропало нечто — и опорочит своих соседей, то соседи должны клятвенно уличить его перед Богом в том, что у него ничего не пропало, и он должен отдать своим соседям вдвойне то, на что он претендовал»³.

Общественная значимость и важность уголовно правоохраняемых объектов всегда зависели от наличной в государстве иерархии правоохраняемых объектов и ценностей, которые были уязвлены теми или иными противоправными деяниями. Степень вины или тяжести преступления и соответствующего очистительного наказания всегда зависел а также и от вида и способа совершения противоправного и общественно опасного деяния. Например, если сын злоумышленно убивал собственного отца, то он по обычному праву и закону считался не просто обычным убийцей, но богопротивным и мерзким отцеубийцей, т.е. он был еще виновен и в противоправном физическом уничтожении человека, который его породил, содержал, воспитал, дал образование, жилье, имущество и т.д. Тяжесть преступления и наказания усугублялась также размером причиненного другим потерпевшим лицам физического, морального и имущественного вреда и ущерба, например многократной кражей (рецидив преступления) собственности у многих людей в разных обстоятельствах.

По верному наблюдению древнегреческого философа Платона, по степени своей тяжести или мере противоправно-

² Монтескьё Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 361.

³ Черниловский З.М. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1996. С. 12.

сти и общественной опасности «после преступлений против богов (святотатства) идут преступления, касающиеся ниспровержения существующего государственного строя. Кто проводит своего ставленника на государственную должность, не считаясь с законами, и заставляет государство подчиняться партиям, — того, раз он при этом прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отъявленным врагом государства в целом»⁴. Таких злостных смутьянов и насильственных преступников, как правило, наказывали несравненно суровее, жестче и дольше, нежели простых воров и мошенников, которые действовали только из корыстных побуждений без применения угроз и насилия к своим потерпевшим согражданам.

Подобно Платону, меру тяжести преступлений и наказаний по духовной и социальной важности правоохраняемых объектов, ценностей и целей определял также великий мыслитель и богослов святой Фома Аквинский, который писал: «...извращать религию, от которой зависит жизнь вечная, гораздо более тяжкое преступление, чем подделывать монету, которая служит для удовлетворения потребностей временной жизни»⁵. «Тяжесть греха (преступления), — заметил Фома Аквинат, — возрастает пропорционально величию того, против кого грешит человек (например, оскорбление государя является более тяжким преступлением, чем оскорбление частного лица), а величие Бога бесконечно. Следовательно, за совершенный против Бога грех должно быть назначено бесконечное наказание... Продолжительность наказания адекватна продолжительности преступления не со стороны акта, а со стороны

пятна, поскольку пока остается пятно, остается и долг наказания»⁶.

Тяжкое наказание налагается не только из-за тяжести вины, но и по другим причинам.

Во-первых, из-за тяжести греха: ведь за больший грех — при прочих равных грехах — налагается более тяжкое наказание.

Во-вторых, из-за привычки ко греху: ведь от привычки к греху может избавить только тяжкое наказание.

В-третьих, из-за сильно влечения или удовольствия от греха: ведь и от них человека может избавить только тяжелое наказание.

В-четвертых, из-за легкости совершения греха и его последующего сокрытия: ибо подобные грехи, когда они делаются явными, заслуживают наиболее сурового наказания ради устрашения других.

И в том, что касается тяжести греха, имеются четыре уровня, даже применительно одному и тому же поступку.

Первый уровень — это недобровольное совершение греха. И если грех был полностью недобровольным, то грешник освобождался от наказания.

Второй уровень — это грех по неведению. И тогда, хотя в некотором отношении ответственность за грех имела место (ибо необходимое знание можно было бы обрести), грешник не наказывается судьями, но приносил искупительную жертву: «Если какая душа согрешит по ошибке». Но это касалось только незнания греховности конкретного поступка, но не незнания Божественных заповедей, ибо их обязаны были знать все.

А третий уровень — это когда некто грешит из гордости, т.е. по выбору или злонамеренно. И тогда его судили сообразно тяжести преступления.

⁴ Платон. Сочинения: В 3 т. М., 1972. Т. 3(2). С. 341.

⁵ История политических и правовых учений. М., 1996. С. 117.

⁶ Фома Аквинский. Сумма теологии: В 3 ч. Киев, 2008. Ч. 2. Т. 1. Трактат о навыках в целом. Вопросы 49–89. С. 483–484.

Четвертый уровень — это когда некто грешил из дерзости и упрямства. И тогда как бунтовщика и разрушителя установлений закона его предавали смерти... Закон налагал на воров овец тяжелое наказание, а именно четыре овцы за одну. А волов сохранять еще труднее, поскольку они тоже пасутся на полях, но не собираются вместе, как овцы. И потому за кражу вола наказывали еще строже — пять волов за одного заколотого вола⁷. Если человек является отъявленным блудником, то он может опозорить немало людей, и хотя, это не входило в его намерения и не было им предвидено, оно тем не менее отягчает его грех⁸.

Как видим, на законодательное определение и судебное назначение меры, вида и размера наказания влияли многообразные факторы в зависимости от духовно-нравственных и политических установок общества и государства в разные времена и при разных обстоятельствах.

Меру тяжести преступлений и соответствующих им наказаний французский философ Ш. Монтескье также классифицировал по степени духовно-нравственной и общественно-правовой значимости тех или иных правоохраняемых объектов и правоотношений. «Есть четыре рода преступлений: к первому роду принадлежат преступления против религии; ко второму — преступления против нравов; к третьему — преступления против общественного спокойствия; к четвертому — преступления против безопасности граждан... В преступлениях против Бога, там, где нет публичного действия, нет и материала для преступления: все происходит между человеком и Богом, Который знает время и меру Своего отмщения... Зло произошло от представления, что надо

мстить за Бога. Но Бога надо почитать и никогда не следует мстить за Него... Второй разряд состоит из преступлений против нравов. Таковы оскорбления публичной и частной благопристойности, т.е. установленных способов пользования чувственными удовольствиями и половыми сношениями. Они должны заключаться в лишении выгод, которое общество связывает с чистотой нравов, в штрафах, позоре, необходимости скрываться, в изгнании из города и общества... В самом деле, основание этих преступлений лежит не в злой воле, сколько в забвении своего достоинства и в неуважении к самому себе... К преступлениям третьего разряда относятся те, которые нарушают спокойствие граждан. Наказания за них должны соответствовать природе преступления, следовательно, они должны быть связаны с общественным спокойствием. Таковы: тюрьма, ссылка, исправительные меры и другие наказания, которые укрощают беспокойные умы и возвращают их в пределы установленного порядка... Наказание за преступления против безопасности граждан талион, посредством которого общество лишает безопасности гражданина, лишившего или покушавшегося лишить безопасности других. Это наказание извлечено из природы вещей, оно почерпнуто из разума самого источника добра и зла⁹.

По верному замечанию итальянского мыслителя Ч. Беккария, по своей тяжести на первом месте стоят правонарушения и преступления, наносящие вред непосредственно обществу, а на последнем самые незначительные нарушения прав частного лица¹⁰, за совершение которых должны быть предусмотрены и назначены более мягкие виды уголовных наказаний.

⁷ Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 4. Вопросы 68–114. М.: URSS. 2011. С. 534.

⁸ Фома Аквинский. Сумма теологии: В 3 ч. Ч. 2. Т. 1. Вопросы 49–89. С. 324.

⁹ Монтескье Ш. Указ. соч. С. 318–320.

¹⁰ См.: Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 85.

Очень тонкую связь между побудительными мотивами совершения преступлений и мерой (видом и размером) соответствующего уголовного наказания обнаружил в свое время гениальный немецкий математик, физик и «несостоявшийся» юрист Лейбниц. «... Чем сильнее искушение ко греху, тем больше оно нуждается в необходимости пресечения страхом большего наказания. Кроме того, чем больше сообразительности находят в планах злодея и чем больше видят обдуманности в злодеянии, тем большим преступником и тем более наказуемым его признают»¹¹. Это означает, что мера противоправности и общественной опасности преступления и строгости наказания должна определяться в первую очередь криминальными мотивами и целью совершения преступления, которые в большей, чем другие обстоятельства по делу, мере характеризуют особенности личности преступника и степень вероятности его душевного преобразования и исправления после отбытия положенного ему наказания. Ведь именно в характере и содержании преступного умысла преступника имеется все зависящее от его воли зло и тяжесть последствий запланированного им преступного деяния.

При определении степени тяжести конкретного вида преступления и вида и размера уголовного наказания законодатель, равно как и судья, также должен учитывать различные иные факторы, касающиеся состояния и социального положения, как самого субъекта преступления, так и его жертвы. В свое время Т. Гоббс верно заметил: «Всякое преступление имеет различные степени, которые измеряются, во-первых, зловредностью источника или причины, во-вторых, заразительностью примера, в-третьих, вредностью последствий, в-четвертых,

обстоятельствами времени, места и лиц... Большим преступлением является один и тот же противозаконный проступок, если он совершен человеком, пользующимся славой мудрого, так что многие следуют его советам и подражают его действиям, чем если тот же поступок совершен обыкновенным человеком. Ибо первый не только совершает преступление, но преподает это как закон всем остальным людям»¹².

Законодатели и судьи должны также учитывать материальное положение преступника и если он достаточно богат, то не должны назначать такие маленькие по размеру штрафы, которые могут превратиться в своеобразную форму откупа преступника за совершенное им преступление. «Обычно люди, кичащиеся своим богатством, — продолжал Т. Гоббс, — смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем подкупа государственного правосудия или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения... Когда закон, устанавливающий наказание, создан специально с целью собрать деньги с правонарушителей, это, собственно, не наказание, а цена за привилегию или освобождение от закона, который запрещает действие не всем безусловно, а лишь тем, кто не в состоянии заплатить деньги»¹³. Именно таких преступников надо подвергать более строгим видам уголовного наказания помимо взыскания с них штрафов в особо крупных размерах, для того чтобы вовремя пресекать их преступные замыслы и намерения, а также надежду на возможную их безнаказанность.

Определение или градация степени тяжести различных видов преступлений и соответствующих им видов, режимов и размеров уголовных наказаний должны производиться не по уже

¹¹ Лейбниц Г. Сочинения. Т. 4. М., 1989. С. 442.

¹² Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 235, 238–239.

¹³ Там же. С. 230, 245.

установленным видам и размерам наказаний, как это делается почти во всех странах мира, а сами виды и размеры уголовного наказания должны быть выведены из меры богопротивности, противоправности, характера, элементов, состава и совокупности прочих обстоятельств совершенного общественно опасного деяния. Продолжая градацию видов противоправных, общественно опасных и уголовно наказуемых деяний по их тяжести и соответствующих им уголовных наказаний, Т. Гоббс писал: «Членовредительство — большее преступление, чем грабеж... Соблазнить замужнюю женщину — большее преступление, чем соблазнить незамужнюю... Убить родителя — большее преступление, чем убить чужого... А ограбление бедняка — более тяжкое преступление, чем ограбление богача, ибо для бедняка то более чувствительный ущерб. Преступление, совершенное в месте, отведенном для богослужения, и в часы богослужения, является более серьезным, чем то же преступление, совершенное в другое время в другом месте, ибо первое проистекает из большего презрения к закону»¹⁴. Как видим, при законодательном определении и судебном назначении видов и размеров уголовных наказаний необходимо учитывать множество объективных и субъективных фактов и обстоятельств совершения данного преступления.

Какие же правоохраняемые объекты, ценности, цели и правоотношения должны быть охвачены действием уголовного законодательства и каким образом должны быть определены меры уголовно-правового вмешательства и наказания за совершение тех или иных видов преступлений? Представляется, что установленный в ст. 15 УК РФ подход к различению преступлений и соответствующих им наказаний лишен не про-

сто достаточных духовно-нравственных, но и научно-правовых и практических оснований, которые призваны по возможности законодательно ограничить усмотрительные (дискреционные) правомочия существенно различающихся по своим природным, нравственным, образовательным и опытным качествам многообразных российских правоохранителей и судей, решения которых по сходным уголовным делам не должны существенно отличаться друг от друга. На практике единообразие принимаемых судебных приговоров и решений происходит, как правило и к сожалению, благодаря традиционному, инертно-механическому подражанию менее авторитетных и опытных судей своим более авторитетным и опытным вышестоящим коллегам, хотя закон призывает и дает всем судьям реальную возможность принимать решения на основе своего постоянно повышающегося правосознания, доброй совести, правомерного внутреннего убеждения, знания общепризнанных целей и принципов надлежащей идеи права и каждодневной порядочной жизни.

Поскольку всякое уголовное наказание содержит приоритетную цель предупреждения определенного вида преступления, то его вид и размер должны зависеть прежде всего от особенностей характера первоисточника совершения данного вида преступления. Иначе говоря, вид и размер уголовного наказания определяются видом и составом преступления, а также его негативными общественными последствиями и размером причиненного физического, морального и материального вреда. К примеру, в составе каждого вида умышленного преступления первоисточником является противоправное и общественно опасное состояние души и рассудка его субъекта: его мировоззренческая и нравственная

¹⁴ Там же. С. 240.

установка, конкретное намерение и цель, из которых и происходит характер (выбор объекта преступного посягательства), содержание и общественно опасные последствия совершенного преступного деяния. При таком подходе пораженный объект, содержание преступления, способ его совершения и вредные последствия преступления являются лишь очевидными проявлениями состояния души, воли и ума субъекта преступления, его скрытых мотивов, вождельных целей и противозаконных интересов.

В этом свете представляется, что за совершение наиболее общественно опасных, тяжких, и в первую очередь насильственных, преступлений, не должен устанавливаться денежный штраф в качестве основного и достаточного вида целесообразного уголовного наказания, но крупный штраф должен законодательно предусматриваться и практически применяться только в качестве дополнительного наказания к таким преступникам, которые совершили данное преступление по причинам особой жестокости, дерзости и наглости, вызванных огромным материальным богатством и преступной надеждой на возможный откуп от свершения против них правосудия и на полную безнаказанность. В подобных случаях без законодательного установления и судебного назначения внушительного размера штрафа в качестве дополнительного вида уголовного наказания применения других основных видов наказания может показаться мало или недостаточно для отрезвления опьяневшего от богатства наглого и устоявшегося преступника. Понятно, что на таких осужденных преступников дополнительное наказание в виде штрафа в крупном размере иногда (кроме случаев получения взятки, сводничества, клеветы, оскорбления и т.д.) может воздействовать более целесообразно и благотворно, нежели даже основное уголовное наказание в виде лишения свободы на продолжительный срок.

За совершение же вышеперечисленных видов преступлений вообще не должен законодательно устанавливаться и судебно назначаться штраф как основной вид уголовного наказания, — должно назначаться только выполнение обязательных работ, или арест, или в необходимых случаях лишение свободы. Ни клеветник, ни оскорбитель, ни сводник, ни взяточник и им подобные преступники не должны иметь законодательной возможности отделаться от правосудия уплатой одного лишь крупного денежного штрафа, а должны иметь возможность для необходимой и целесообразной, правомерной и коренной переоценки человеческого достоинства своих ближних посредством испытания на себе обязательных работ в пользу потерпевшего или государства, конституционный правопорядок которого они умышленно подрывали своими корыстными, недостойными побуждениями и противозаконными действиями.

Если преступление, совершенное осужденным преступником впервые, носит корыстный характер, но не имеет отношения к совершению насилия над потерпевшим (скажем, при совершении кражи или мошенничества), то в случае чистосердечного признания и деятельного раскаяния виновного и полного возмещения им причиненного морального и материального ущерба не совсем целесообразно применять к нему уголовное наказание в виде лишения свободы, а намного целесообразнее и предпочтительнее взыскать с него солидный размер денежного штрафа или произвести частичную конфискацию его личного имущества, причем размер денежного штрафа или имущественной конфискации должен существенно и многократно превышать размер причиненного материального ущерба. В этой связи следует внести соответствующие изменения в ст. 56 УК РФ и тем самым правомерно, целесообразно и законодательно ограни-

чивать сферу применения уголовного наказания в виде лишения свободы.

На законодательно определяемый вид и размер уголовного наказания существенно влияет также противоправный и общественно опасный способ и степень преступной организованности совершения преступления и количество виновных субъектов преступления. Согласно ст. 35, 63 и 158 УК РФ, совершение преступления в составе организованной группы лиц (соучастие) по предварительному сговору, организованной группой или в составе преступного сообщества законодатель признает в качестве отягчающего уголовное наказание обстоятельства. Если преступление совершается общеопасным способом, с использованием огнестрельного оружия или взрывчатых веществ, то этот факт может рассматриваться законодателем также как квалифицирующий признак состава преступления. Так, например, в п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ разбой с использованием огнестрельного или холодного оружия образует отдельный состав насильственно совершаемого тяжкого преступления, которое может быть «снято» наиболее суровым видом, режимом, сроком и размером целесообразного уголовного наказания.

Помимо возрастных особенностей субъекта преступления, законодатель также учитывает иные физиологические состояния субъекта совершения преступления. Так, например, согласно ч. 1 ст. 61 УК РФ, законодатель относит к разряду смягчающих обстоятельств состояние беременности виновной или факт наличия на ее иждивении малолетних детей. На законодательном уровне также должны решаться вопросы определения вида и размера уголовного наказания, применяемого к субъектам преступления, которые совершили преступление в силу стечения тех или иных

обстоятельств или которые имеют выраженную склонность к совершению определенной категории и видов преступлений: вооруженных, насильственных, групповых, половых, корыстных и т.д.

На практике российские судьи, к сожалению, зачастую следуют формально-догматическому подходу применения положений уголовного законодательства и, без подробного осознания и углубления в характер рассматриваемого вида и состава предусмотренного законом преступления, сразу же хватаются за мертвые буквы недостаточно продуманно установленных уголовно-правовых санкций, среди которых отправными, как правило, являются те, которые связаны с лишением осужденных преступников свободы, и на довольно длительные сроки. Фактически остается в стороне широкий перечень других законодательно предусмотренных видов уголовного наказания, которые, как следствие, также должны быть верно истолкованы¹⁵, обусловлены и связаны с теми или иными категориями тяжести предусмотренных уголовным законодательством видов и составов преступлений.

Одним из самых тонких и сложных элементов состава преступления является его субъективная сторона, от которой в существенной мере зависит характер и вид законодательно конструируемого вида и состава преступления, его правильная квалификация и определение вида и размера соответствующего вида и размера уголовного наказания. В некоторых правовых системах (особенно в религиозно-общинной и мусульманской системе права) форма умысла (направление воли и цель злоумышленника) или неосторожности субъекта преступления имеют решающее значение для определения вида и размера уголовного наказания, нередко даже большее значение, нежели вредные последствия совершенно-

¹⁵ См.: *Осипян Б.А.* Критерии правомерного толкования и исполнения законов и правоположений // Современное право. 2013. № 5. С. 150–158.

го преступления. Дело в том, что именно установление мотивов (движущих факторов) и целей совершения преступления, имеющего своим истоком действие греха и зла (недостаток света и добра), помогает законодателю и судьям понять причины совершения этого зла и выбрать необходимое и достаточное средство уголовно-правового воздействия для противодействия этому злу. Ведь, насколько известно, без точного знания свойств яда невозможно противопоставить ему соответствующее противоядие. Следовательно, в большинстве случаев характер преступлений и наказаний должен прежде всего различаться по мотивам, намерениям и целям его совершения и только потом — по внешне проявленным способам его совершения и прочим вытекающим из них обстоятельствам. Законодатель и судьи для своей успешной и плодотворной деятельности обязаны знать, за приготовление, покушение или совершение какого зла (цель действий), кого и как надо действительно проучить, чтобы применяемое при этом уголовное наказание пошло на пользу всем подобным ему, в особенности на пользу самому преступнику посредством его необходимого и целесообразного наказания.

Наряду с особенностями личности преступника довольно существенную роль в законодательном определении меры (вида, режима и размера) уголовного наказания играет его посткриминальное поведение: например, добровольная явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, помощь в изобличении других участников преступления, розыске имущества, добытого в результате совершения преступления, деятельное раскаяние и своевременное возмещение причиненного вреда, добровольное оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления и примирение с потерпевшим. Все эти обстоя-

тельства в совокупности с другими фактами совершенного преступления по возможности должны быть предусмотрены в действующем российском уголовном законодательстве, поскольку могут свидетельствовать о возможности значительного снижения степени общественной опасности осужденного преступника или совершенного им преступного деяния, а также о большей вероятности его последующего духовно-нравственного и душевного исправления в условиях достаточной личной ответственности и свободы в обществе (ст. 61, 75, 205, 206, 208 и 275 УК РФ).

На законодательное определение и судебное назначение вида и размера уголовных наказаний заметное влияние оказывают также различные психофизические и социально-политические жизненные ситуации. Это прежде всего относится к преступлениям, совершенным с нарушением условий и пределов правомерной, или, как принято называть, необходимой, обороны, при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, при исполнении приказа или распоряжения. Отрадно отметить, что все перечисленные факты рассматриваются законодателем в качестве смягчающих наказание обстоятельств, установленных в ст. 61 УК РФ. Более того, убийство, совершенное при превышении пределов правомерной (необходимой) обороны, образует самостоятельный состав преступления, предусмотренный статьей 108 УК РФ, и влечет за собой не только уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, но также и альтернативный вид наказания в виде ограничения свободы на тот же период времени.

Как правило, несовершеннолетний возраст рассматривается законодателем в качестве смягчающего вину осужденного преступника обстоятельства, так как учитывается недостаточная воз-

растная и социальная зрелость, способность полностью осознавать противоправный характер и степень общественной опасности своего деяния, большая подверженность негативному влиянию со стороны нравственно неустойчивых взрослых знакомых и товарищей, а также большая надежда на его более вероятное, легкое и скорейшее душевное исправление.

В отличие от взрослых несовершеннолетние подростки всегда имеют больше возможностей для досрочного освобождения от отбываемого ими уголовного наказания посредством применения к ним необходимых принудительных мер лечебного и воспитательного характера на основании ч. 1 ст. 92 УК РФ. Помимо возрастных особенностей субъекта преступления, российский законодатель также учитывает иные физиологические состояния субъекта совершения преступления. Так, например, согласно ч. 1 ст. 61 УК РФ российский законодатель относит к разряду смягчающих вину обстоятельств состояние беременности виновной или факт наличия на ее иждивении, содержании, ежедневной заботе и воспитании малолетних детей или иных больных или нетрудоспособных членов ее семьи.

На законодательном уровне также должны решаться вопросы определения вида и размера уголовного наказания, применяемого к субъектам преступления, которые совершили преступление впервые или в силу стечения тех или иных объективных причин и обстоятельств или которые имеют выраженную склонность к совершению определенной категории преступлений: насильственных, корыстных, сексуальных и т.д.

Часть 1 ст. 61 УК РФ законодательно устанавливает возможность смягчения судом назначаемого уголовного наказания в отношении тех субъектов преступления, которые совершили общественно опасное деяние впервые.

В то же время лица, которые совершали преступления неоднократно, и рецидивисты признаются законодателем как более опасные субъекты, и потому факт повторности совершения преступления представляется отягчающим наказанием обстоятельством (п. 5 ст. 18 и ст. 63 УК РФ). Часть 2 ст. 68 УК РФ предусматривает особые условия и порядок назначения уголовного наказания при многочисленных повторях преступлений (рецидиве), а именно устанавливает срок уголовного наказания не ниже половины максимального срока наказания, предусмотренного законом, а в случаях опасного рецидива — не менее двух третей предусмотренного законом максимального срока предусмотренного законом уголовного наказания.

То же самое относится и к тем субъектам преступления, которые официально наделены публичной властью или занимают государственные посты или должности, а также имеют иные дополнительные должностные полномочия и иные реальные возможности для совершения таких преступлений, от которых жертвы преступления имеют определенную психологическую, материальную, служебную или иную зависимость: например, если они находятся на его иждивении, вынуждены подчиняться по своему служебному положению или, будучи подследственными, зависят от следователя, прокурора, судьи и т.д. Представляется, что все перечисленные обстоятельства должны как законодательно, так и правоприменительно рассматриваться как отягчающие вину обстоятельства и, следовательно, существенно влиять на выбираемый вид и размер уголовного наказания.

Для тех осужденных, которые боятся закона (подзаконных), но иногда предпочитают нарушать его ради удовлетворения своих противозаконных похотей, главной целью уголовного наказания должна стать посылка социальная по-

мощь в деле освобождения их от рабства их неправомерных потребностей, побуждений, привычек и направления их потенциальной энергии в русло созидательной жизни. Для осужденных, которые отличаются психологической неустойчивостью и не имеют достаточного контроля над собой, основная цель уголовного наказания должна состоять в том, чтобы посредством небольшого шока, вызванного задержанием и заключением под стражу, дать возможность по-другому оценить свое поведение, примириться с потерпевшим и добровольно возместить нанесенный ему моральный и материальный ущерб.

Для осужденных сугубо корыстных, чрезмерно материально озабоченных и давно находящихся на услужении боготворившей мамоне, главной целью уголовного наказания должна стать демонстрация крайней невыгодности посягательства на чужое имущество и добро посредством взыскания с виновных достаточно внушительных штрафов, соразмерных порогу их восприятия и масштабам их имущественного состояния. Для осужденных, вольная жизнь которых сделала их предельно грубыми, ожесточенными, мстительными и склонными к насилию, основной целью наказания может стать суровая кара за проявленную агрессию в виде строгой изоляции от общества, режимного и трудового их просвещения, общего образования и приобретения навыков мирной и ненасильственной жизни. Особенности подобных типов преступников должны быть учтены как на законодательном уровне, так и на уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном уровнях правоприменения.

Разумный законодатель не должен также устанавливать одинаковые виды и размеры уголовных наказаний за причинение смерти по неосторожности согласно ст. 109 УК РФ и за преднамеренное совершение истязания согласно

ст. 117 УК РФ. Дело в том, что истязание, в отличие от неосторожного убийства, всегда является процессом умышленного причинения физических и психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями. Это совершенно неправомерно, по-человечески несправедливо и практически нецелесообразно. С другой стороны, законодатель по возможности обязан устанавливать одинаковые или, по крайней мере, сопоставимые уголовно-правовые санкции за совершение одинаковых по своим объективным и субъективным сторонам совершенных по неосторожности преступлений.

Нельзя считать достаточно обоснованным и правомерным также и то, что российский законодатель в ст. 118 УК РФ (причинение тяжких и средней тяжести вреда здоровью по неосторожности) и ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в результате чего также неосторожно был причинен такой же тяжести вред здоровью) устанавливает существенно разные по виду и размерам наказания, хотя объекты этих преступлений разные. В первом случае он устанавливает уголовное наказание в виде денежного штрафа или ареста на срок до шести месяцев, а во втором случае он устанавливает наказание на сроки от пяти лет ограничения свободы до двух лет лишения свободы. Спрашивается: разве два года лишения свободы способны сделать проявившего недостаточное внимание законопослушного водителя менее общественно опасным?! Еще более испортить его в условиях тюремного заключения могут, но весьма маловероятно, что могут исправить его и сделать его более пригодным для нормальной общественной жизни.

Представляется, что за совершение неосторожных преступлений соответствующие уголовные наказания в виде

лишения свободы или ареста не могут являться вполне разумными, правомерными и целесообразными. Дело в том, что для предупреждения и, так сказать, правовой шокотерапии в отношении благовоспитанного человека, по личной рассеянности или трудовой усталости совершившего неосторожное преступление, вполне достаточны такие виды уголовного наказания, как обязательные или исправительные работы для восстановления причиненного им морального и материального ущерба, а также для совершенствования своего внимания, памяти, быстроты реакции или профессионального мастерства. Только при очень самонадеянной и грубой форме проявленной неосторожности, граничащей с абсолютной безответственностью или почти косвенным умыслом и повлекшей за собой тяжелые последствия, осужденного преступника правомерно и целесообразно подвергнуть уголовному наказанию в виде ограничения свободы и дополнительно в виде компенсационного штрафа за причиненный им вред. К сожалению, некоторые действующие зарубежные уголовные законы и даже российское уголовное законодательство иногда устанавливают уголовное наказание за совершение неосторожных преступлений в виде лишения свободы сроком до пяти или даже до семи лет (ч. 3 ст. 15, ч. 2 ст. 109 УК РФ). Например, статья 142 УК Испании за совершение убийства по грубой неосторожности предусматривает уголовное наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до трех лет.

Очевидно также и то, что установившаяся российская практика применения мелких штрафов к очень богатым людям (например, золотой молодежи, или совершеннолетним потомкам российских олигархов) за преступления небольшой тяжести (нарушение правил дорожного движения, превышение скорости и опасная езда по городским улицам т.п.) не мо-

жет иметь какого-либо положительного предупредительного смысла, так как подобные штрафы малоощутимы для таких азартных и опасных ездовых-преступников. В то же время массовое применение крупных денежных штрафов не может быть достаточно правомерным и целесообразным видом уголовного наказания для бедных и малоимущих слоев населения, ибо еще более побудит материально уязвленных воров и мошенников продолжать свое противоправное ремесло для ежедневного физического выживания. Следовательно, российский законодатель не должен чрезмерно увлекаться установлением сплошь и рядом штрафных санкций в уголовном законе, чтобы не сделать из него противоправное средство для легкого откупа богатых и надменных от уголовной ответственности либо неправомерное, или, если хотите, криминогенное, средство разорения и подстрекательства бедных слоев населения к совершению новых имущественных правонарушений, особенно в условиях массовой безработицы и мизерной платы за добросовестно выполняемую работу.

По тем же самым причинам из ст. 290 «Получение взятки» УК РФ необходимо исключить всякие иные уголовно-правовые санкции, не связанные с лишением свободы, поскольку всякие штрафы, временное отстранение от занимаемой должности, обязательные работы, краткосрочное лишение свободы (до пяти лет) и прочие «подушки безопасности» выдуманы самими законодателями-взяточполучателями. Здесь независимо от тяжести видимых разрушительных последствий от совершенного преступления правомерно и целесообразно было бы законодательно установить для должностных взяточников единую санкцию лишения свободы на срок не менее пятнадцати лет без возможности возвращения на государственную службу. Что касается преступного бездействия, халатности,

неисполнения или ненадлежащего (недобросовестного или небрежного) исполнения должностными правоохранителями своих служебных обязанностей, то независимо от последствий совершенного преступления надо законодательно установить единую санкцию увольнения с занимаемой должности без шанса возвращения на государственную службу. Всякие штрафы, срочные обязательные работы, арест или даже лишение свободы нецелесообразны, если оставляют безответственным должностным лицам малейшую возможность впоследствии иметь такой же удобный случай для проявления неразумной или корыстной нерадивости к исполнению государственно-правоохранительных обязанностей. Без такой высокой законодательно установленной уголовно-правовой ответственности российских правоохранителей незавидное положение миллионов российских потерпевших надолго останется безнадежным.

Представляется, что более правомерная, целесообразная и гибкая систе-

ма законодательно предусмотренных уголовно правоохраняемых объектов, ценностей, институтов и функций должна строиться на вышеуказанных теоретических критериях, духовно-правовых ценностях, приоритетных целях и побудительных мотивах, т.е. на основе богоданной жизни и бесценного достоинства человека, его необходимой и ответственной свободы и здоровья, культурных ценностей и целей мира, экологической безопасности, правомерного, общепользовательного осуществления государственной власти и поддержания общественного правопорядка¹⁶. Представляется, что все прочие правоохраняемые социальные блага и ценности, цели и принципы должны охраняться законом и государством в той мере, в какой они связаны с сохранением перечисленной соподчиненности правоохраняемых объектов, ценностей и целей, от степени нарушения которых должны законодательно и судебно определяться и назначаться виды, режимы и размеры уголовных наказаний за совершение тех или иных видов преступлений. ✧

Ключевые слова

уголовное наказание, виды наказаний, действующее законодательство, правоприменительная деятельность

Библиография

- Беккария Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995.
Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2.
Лейбниц Г. Сочинения. Т. 4. М., 1989.
Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
Осипян Б.А. Надлежащий социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и правомерного закона // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 1.
Осипян Б.А. Основание и система правовой ответственности и наказания: различие понятий «imputatio», «indictare», «sanctio», «roepa» // Современное право. 2007. № 5.
Фома Аквинский. Сумма теологии: В 3 ч. Ч. 2. Т. 1. Трактат о навыках в целом. Вопросы 49–89. Киев, 2008.
Черниловский Э.М. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1996.
 Юридическое определение понятия уголовного наказания // Юридический вестник ДГУ. 2017. № 1.

¹⁶ См.: *Осипян Б.А.* Надлежащий социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и правомерного закона // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 24–32.